

обнаруживалась так ярко, как например, личность Иосифа Волоцкого или «князя-инока» Вассиана Патрикеева. В жизни Нил скрывался по причинам монашеского «подвижничества» от мира и был, как намекают скудные указания источников, лишь редко привлекаем к практическому решению вопросов современности на соборах и совещаниях; в своих сочинениях он скрывался за цитатами из «священного писания и «святых отец», и лишь прозорливый глаз может открыть сквозь завесу этих «отеческих» мнений¹⁰² талантливого писателя и человека, выбравшего собственный способ решения насущных вопросов общественной жизни своего времени.

русские жития святых как исторический источник, стр. 294, прим. 2). И так, «хула» на русских чудотворцев, в которой, как известно, иосифляне обвиняли Нила Сорского и Вассиана Патрикеева, заключалась не в том, что Нил не «верил» в их чудеса, был критиком религии, а в том, что он признавал лишь древних греческих «святых отцев», греческие патерики, которые он исключительно приводит, нигде не упоминая о русских святых.

¹⁰² К этому «открытию» может и привести изучение посланий Нила к его друзьям и ученикам, имевших более личный характер; о его образованности в сравнении со многими современниками говорит его «филологическая» работа — исправление житий святых по греческому оригиналу (см.: Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 195 и сл.). В своей диссертации я привожу еще несколько примеров «филологической» добросовестности Нила.